

**Міністерство культури України
Національний заповідник "Софія Київська"
Національна Академія наук України
Інститут археології**

ХРАМ І ЛЮДИ

**Збірка статей
до 90-річчя з дня народження
Сергія Олександровича Висоцького**

Київ 2013

ДВЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ ЗАГАДКИ XII–XIII ВЕКОВ ИЗ НОВГОРОДА И НОВОГРУДКА

В фонде архитектурно-археологических коллекций Новгородского государственного объединенного музея-заповедника хранится множество фрагментов фресковой штукатурки, на некоторых из которых имеются граффити. Представляющие собой по большей части отдельные буквы и обрывки слов, они до последнего времени не привлекали внимания исследователей-эпиграфистов. Между тем, сплошной просмотр этого однообразного материала позволил выявить несколько надписей, представляющих несомненный историко-филологический интерес. Две из них, публикуемые ниже, объединены принадлежностью к одному жанру — обе надписи представляют собой загадки.

I. Фрагмент под номером НВ 18528/196 происходит из раскопок А.Л. Монгайта, проводившихся в 1946 г. в южной (Мартирьевской) паперти Новгородского Софийского собора. В публикации по итогам раскопок А.Л. Монгайт сообщает: “В разных частях раскопа нами собрано большое количество фрагментов фресок <...> фрески с коричневым, зеленоватым и голубым тонами, с граффити в виде отдельных букв (по почеркам XVI–XVII вв.)”¹.

Публикуемое граффито читается на фрагменте с красочным слоем синего цвета, длиной 8,6 см, высотой 8,3 см (рис. 1).

Рис. 1. Надпись из Новгородского Софийского собора. Фото и прорись авторов.

Размеры надписи: длина 8 см, высота 3,9 см, высота букв 0,5–1,7 см.

Фрагмент содержит срединные части двух строк, из которых вторая написана более крупно, но, вероятно, тем же почерком, что и первая (ср. одинаковые горизонтальные верхние засечки у букв Е):

1 ... [в]оноукъ бабе б...

2 ...ла емоу т...

Стратиграфическая датировка граффито — не раньше времени росписи 1144 года. Текст записан в бытовой орфографии, с заменами *ѡ* → *о* и *ѣ* → *е*; при этом в слове *воноукъ* <*въноукъ*> сохраняется слабый редуцированный. Последнее обстоятельство само по себе не является достаточным основанием для ранней датировки (в позиции после *в* отражение утраты слабых еров запаздывает по сравнению с общей динамикой²), но в сочетании с записью /у/ после согласной через *оу* делает маловероятной датировку позднее конца XIII в. Учитывая, что подавляющее большинство граффити в Новгородской Софии относятся к раннедревнерусскому времени, рассматриваемый фрагмент можно предположительно датировать второй половиной XII — первой четвертью XIII в.

Несмотря на его предельную краткость, текст граффито поддается атрибуции. По первой строке в нем опознается фрагмент загадки, входящей в апокрифическую “Беседу трех святителей”, широко распространенную в русских списках начиная с XV в. В наиболее ранней, согласно новейшему исследованию памятника, Троицкой редакции, данная загадка звучит следующим образом: “Василей рече: внук рече бабе своей: “Положи мя у себе”, и рече баба: “Како хоцю положити тя, а ты ми отец?” Иоан рече: баба есть земля, а внук Христос”³. Текст загадки относительно стабилен, хотя порядок слов варьирует; версию, в точности соответствующую нашей надписи, содержит один из сборников, переписанных знаменитым книжником второй половины XV в., монахом Кирилло-Белозерского монастыря Евфросином: “Рече **внук бабѣ**: “Баба, положи мя у себе”. И рече ему баба: “Како ми тебе положити, а ты мя родиль”. Толк. Внукъ есть Христос, а баба земля”⁴.

Атрибуция первой строки делает весьма вероятным, что и вторая строка является частью той же надписи (в противном случае первая строка, чтобы вместить ответ, должна была бы иметь слишком большую длину). Учитывая варьирование текста в списках, допустимо предположить, что ответ “бабы” имел в граффито примерно следующий вид: “И **рекла ему: ты** мя еси родиль, како ми тебе положити?”. Необходимость предполагать грамматически различное оформление вопроса и ответа (*рече* — *рекла*) не составляет препятствия к такой реконструкции: точно такую же пару находим в другом фрагменте “Беседы” в списке того же Евфросина. Ср.: “В(опрос). Кая то жена, еже от народа, **рече**: “Блаженое чрево ношшее тя и сосца, яже еси съсал”? От(вет). Фотиния самаряныня **рекла**, еиже явися Господь на кладязи Ияковли”⁵. Ср. также варьирование аориста и *л*-формы в надписи XI в. на пряслице из Вышгорода: “Чепоура пыта... Пыгъна **рекла**”⁶.

Популярность подобных загадок на Руси подтверждается фиксацией загадки о Ноевом ковчеге, также входящей в “Беседу трех святителей”, в надписи на ободке берестяной солонки второй

половины XIV века, условно включенной в корпус новгородских берестяных грамот под № 10: “Есть градъ между нобомъ и землею, а к ному еде посоль безъ пути, самъ нимъ везе грамоту непсану”⁷. Еще одним ранним свидетельством отдельного бытования загадок данного круга является запись писца Козьмы Поповича в псковском Паремейнике 1348 г.: “Мертвецъ поеть, а гробъ ходить”, представляющая собой загадку об Ионе во чреве кита⁸. В качестве книжной маргиналии засвидетельствована и загадка про бабу и внука, записанная на полях Торжественника последней четверти XV века (РГБ, собр. Лукашевича и Маркевича, № 85, л. 230): “Рече внук бабе: положи мя у собя, и рече баба: как ми тя положити, а ты мя родил”⁹. Хотя последняя запись относится уже к эпохе распространения в русской книжности “Беседы трех святителей”, по своему характеру она примыкает к традиции разрозненного бытования загадок типа *Josa monachorum*, хронологически предшествовавшей сложению “Беседы” в том, сильно варьирующемся, составе, какой она имеет в сборниках XV–XVI вв.¹⁰ В таком виде “Беседа”, как считается, возникла путем объединения ряда вопросно-ответных сочинений, бытовавших в литературе *Slavia Orthodoxa*, с добавлением фольклорного компонента, нередко, в свою очередь, замешанного на книжных источниках. Загадка про бабу и внука — Христа и землю принадлежит к этой последней составляющей памятника¹¹. Она представляет собой модификацию похожей загадки про Авеля и землю, также представленной в списках “Беседы” и имеющей средневековые латинские и греческие параллели¹². Граффито из Мартирьевской паперти Софийского собора является, по-видимому, наиболее ранним славянским свидетельством этого текста, а вместе с ним — и всей славянской традиции *Josa monachorum*, отразившейся в “Беседе трех святителей”.

II. Как отмечает М.К. Каргер в статье, посвященной раскопкам 1961–1965 годов в церкви Бориса и Глеба в Новогрудке, “при раскопках восточной части южного притвора храма было собрано большое количество фрагментов фресковой штукатурки XII в. с достаточно большим числом удовлетворительно сохранившихся граффити, судя по палеографическим особенностям, несомненно, относящихся к XII в.”¹³ Именно эти фрагменты и привлекли наше внимание при работе с фондом архитектурно-археологических коллекций Новгородского музея.

Черно-белые фотографии данных фрагментов (как и других фрагментов с граффити из церкви Бориса и Глеба) приведены в работе Ф.Д. Гуревич, без попытки прочтения текста¹⁴.

Интересующая нас надпись располагается на шести фрагментах штукатурки бежевого цвета с вкраплениями цемьянки¹⁵. Четыре из них (в левой части) склеены друг с другом, а два крупных фрагмента в правой части стыкуются между собой на нижнем уровне). Общая длина стыкуемых фрагментов 24,5 см, высота 8,5 см (рис. 2).

Рис. 2. Надпись из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. Фото и прорись авторов.

Помимо надписи, фрагменты содержат также инициалы: три крупных в левой части (из них практически полностью сохранился инициал Б) и имеющий меньший размер инициал И внизу средней части. Инициалы были выполнены до появления надписи, буквы которой (во второй и третьей строках) обходят инициал И.

Сама надпись имеет следующие размеры: длина 15 см, высота 3,5 см, высота букв 0,6–1,2 см.

Текст надписи таков:

- 1 двоичи роженъ въ портъ
- 2 теплъ а нѣ учивъ ся на ча//
- 3 сы п(ое)ть

Перевод: 'Дважды рожден в теплую одежду; а не учившись, часы отпевае?'

Конъектура на ча | сы п(ое)ть предложена М.А. Бобрик¹⁶. Между словами *роженъ* и *въ* в 1-ой строке теоретически могло помещаться однобуквенное слово (союз *a* или *u*), однако здесь — несмотря на утрату части штукатурки — виден нижний край неглубокой выщербины, из-за которой автор граффито, вероятно, отступил чуть правее (так же, как между словами *теплъ* и *а* во 2-ой строке, где ему мешал верх инициала *И*).

Древнерусское *двоичи* 'дважды' представлено в белорус. *двойчы*, укр. *двічі*, а также в рус. диал. *двойчи* и *двойчь*¹⁷.

Галереи церкви Бориса и Глеба, выстроенные в иной технике, чем основной объем храма, М.К. Каргер датирует серединой — второй половиной XII века¹⁸. В свою очередь Л.В. Алексеев полагает, что основной объем храма был возведен в 1150-е — 1160-е годы¹⁹. По методике А.А. Зализняка граффито датируется интервалом от 1160 по 1300 г., предпочтительно — в пределах 1160–1280 гг.²⁰ Нужно однако, иметь в виду, что надпись выполнена книжным письмом и, вероятно, неспроста находится в окружении книжных инициалов. Геометрическая правильность большинства начертаний и их общие пропорции свидетельствуют, скорее, в пользу XII века, чем последующего времени, позволяя согласиться с палеографической оценкой, данной М.К. Каргером. С такой оценкой вполне согласуется прояснение сильного редуцированного в *портъ* и отражение “нового ѣ” в *нѣ оучивъ сѧ* — оба явления последовательно представлены уже в южнорусском Добриловом евангелии 1166 г. Особо отметим, что “новый ять” выступает в нашем тексте не перед слогом со слабым редуцированным, но перед [у], что отражает нейтрализацию начальных [въ] и [у] в говоре с билабиальным произношением [в]. Подобные написания представлены, например, в Евангелии Библиотеки МГУ № 1367 (XIV в.): *нѣ вбоите сѧ* <не убоите сѧ> (л. 167), *нѣ вбо* <не убо> (215 об.)²¹.

Отгадка к данной загадке — петух. Ср. современную украинскую загадку (из Интернета): *Двічі родився, у школі не вчився, а години знає* (отгадка: *півень* ‘петух’). Ср. также загадку из “Беседы трех святителей”: “Въпрос. Кый пророкъ двою родился? Толк. Куръ. Первое, курица яйце снесла. Изъ яйца, второе, вылупился, то есть родился. А пророкъ есть, свѣтъ повѣдаеть людѣмъ рано”²². Еще большую взаимную близость обнаруживают другой вариант той же украинской загадки — *Двічі родився, ні разу не хрестився, а чорт його боїться* — и загадка про петуха в великорусском списке “Беседы” XX в.: *Вопрос: кто два раза родился, а не одного разу не крестился, и он есть свят, егоже гласу трепещут нечистыя духи? Ответ: петун*²³. Как можно видеть, инвариантной для всех приведенных текстов является формула “двойного рождения” петуха²⁴. Этот инвариант допускает двойное распространение по схеме “не X, но Y”:

- 1) “не учился, но отсчитывает часы”;
- 2) “не крестился, но отгоняет нечистую силу”.

На этом фоне вариант загадки, представленный в новгородском граффито, выделяется упоминанием “теплой одежды”, не находящим соответствия в других фольклорных и книжных версиях²⁵. Рискнем высказать предположение, что эпитет *теплъ* введен в текст потому, что это слово содержит те же согласные, что и одно из славянских обозначений петуха — *пѣтъль*, и может рассматриваться как анаграмма последнего. Анаграмма как способ кодирования загадываемого слова — весьма распространенный и древний принцип построения загадок²⁶, и присутствие ее в нашем тексте кажется вполне естественным.

Развивая это наблюдение, заметим, что слово *пѣтъль* как название петуха отсутствует в восточнославянских диалектах, но широко представлено у южных славян, в болгарских и сербских говорах. Не означает ли это, что наша загадка имеет южнославянские истоки? В этом не было бы ничего удивительного, учитывая древнеболгарские корни целого ряда бытовавших на Руси текстов магического характера, в частности — заговоров против лихорадок-трясовиц круга известной “Сисиниевой легенды”²⁷. В связи с этим нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. Ритмически новгородская загадка делится на две части, насчитывающие, по позднерусскому счету, 7 и 10 слогов. Между тем по раннедревнерусскому счету, включающему утраченные слабые редуцированные, строки оказываются содержащими равное число слогов, а именно — 12, с цезурой после седьмого слога в первой строке и после шестого — во второй:

Дѣвоичи рожень | въ пѣртъ тепль, (12)

а не оучивъ са, | на часы поеть. (12)

При таком взгляде загадка из Новгорода предстает перед нами как двенадцатисложное двустипие, примыкая к традиции раннего церковнославянского стихосложения, все памятники которой имеют, как известно, древнеболгарское происхождение. Впрочем, заключать на этом основании о книжном происхождении текста было бы преждевременно, поскольку собственной силлабической традицией располагал и древний славянский фольклор. По характеристике А.М. Панченко (закрывающей в себе, правда, элемент преувеличения), “усвоенные на Руси церковнославянские силлабические стихотворения в какой-то момент принципиально совпали с фольклорной системой”²⁸. С учетом этого справедливее будет рассматривать загадку из Новгорода как явление того же литературно-фольклорного пограничья, к которому относится и другой образец этого жанра, рассмотренный в настоящей статье.

В заключение следует добавить, что очевидной загадкой по своей структуре является граффито из Софии Киевской, опубликованное С.А. Высоцким под № 73²⁹. Текст надписи гласит:

1 олътарь пламанъ

2 а цр̑кы ледана и олъта“

3 рь погаснетъ и цр̑кы ро“

4 стаеть :·~

Впрочем, об этом интересном тексте подробнее будет сказано в другом месте.

Примечания:

¹ Монгайт А.Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде (Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии в феврале 1947 г.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. — М.; Л., 1949. — XXIV. — С. 94–95.

- ² См. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М., 2004. – С. 61.
- ³ Бабалык М.Г. Апокриф “Беседа трех святителей” в русской рукописной книжности: Исследование и тексты. – [Saarbrücken], 2012. – С. 248.
- ⁴ Из “Беседы трех святителей” [Подг. текста М.В. Рождественской] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1999. – Т. 3: XI–XII века. – С. 356.
- ⁵ Там же. – С. 350–352.
- ⁶ Орлов Р.С., Козюба В.К. Новая знахідка пряслиця з графіті з Вишгорода // Археологія. – Київ, 2008. – № 3. – С. 39.
- ⁷ См. анализ этого текста: Рождественская М.В. Новгородская грамота № 10 — “апокрифическая загадка”? // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. – М., 2003. – С. 310–320.
- ⁸ Калугин В.В. Отношение к книге в древней Руси: По материалам псковских записей XIV в. // Записки Отдела рукописей [РГБ]. – М., 1995. – Вып. 50. – С. 121.
- ⁹ Цит. по: Собрание И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича: Описание / Составил Я.Н. Щапов. Под ред. И.М. Кудрявцева. – М., 1959. – С. 73.
- ¹⁰ См. Страхов А.Б., Страхова О.Б. Русские загадки и традиция *Josa Monachorum* // *Palaeoslavica*. – 1997. – Vol. 5. – P. 135–160. Отличительной чертой этой традиции, выдающей ее первичность и отвечающей природе самого жанра загадки, является отсутствие отгадок, предполагающее активное участие читателя в осмыслении текста. Следует полагать, что отгадка отсутствовала и в публикуемом граффито.
- ¹¹ Заметим, что эта составляющая не обнаруживается в древнерусском пергаменном фрагменте XII в. из библиотеки монастыря Св. Екатерины на Синае, опубликованном М. Таубе как древнейший отрывок из “Беседы трех святителей” (Taube M. An Early Twelfth-Century *Kievan Fragment of the Beseda* трех святителей // *Harvard Ukrainian Studies*. – 1988/1989. – Vol. XII/XIII. – P. 346–359). Синайский фрагмент, несомненно, имеющий важное значение для изучения предыстории “Беседы”, демонстрирует лишь соединение двух вопросно-ответных текстов византийского происхождения.
- ¹² Ср.: “*Qui aviam suam virginem violavit? — Abel terram*” ‘Кто собственную бабу-девственницу растлил? — Авель землю’ (*Josa monachorum*, списки VIII–IX веков; см. Красносельцев Н.Ф. К вопросу о греческих источниках “Беседы трех святителей” // Записки Императорского Новороссийского университета. – Одесса, 1891. – Т. 55. – С. 421–476; Жданов И.Н. Беседа трех святителей и *Josa monachorum* // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1892. – Январь. – С. 157–194). Славянскую версию варианта с Авелем см. Памятники старинной русской литературы. – СПб., 1862. – Вып. 3: [Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н. Пыпиным]. – С. 171; Багрий А.В. Тексты “Беседы трех святителей” // Перетц В.Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в С.-Петербург 13–28 февраля 1911 года. – Киев, 1912. – С. 125. Подробнее о вариантах загадки см. Бабалык М.Г. Апокриф “Беседа трех святителей”... С. 189–196.

- ¹³ Каргер М.К. Раскопки церкви Бориса и Глеба... – С. 81. Об этих раскопках см. также: Он же. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке // Археологические открытия 1965 года. – М., 1966. – С. 165–168.
- ¹⁴ Гурэвіч Ф.Д. Летапісны Новгородок (Старажытнарускі Наваградак). – СПб.; Наваградак, 2003. – С. 247 (мал. 97), 249 (мал. 98), 250 (мал. 99).
- ¹⁵ Номер хранения — НВ 20067/510–512.
- ¹⁶ Под “часами” здесь, несомненно, имеются в виду часы церковные, то есть молитвословия суточного богослужебного круга. Переводя *на часы поеть* как ‘часы отпевает’, мы используем слова “Повести временных лет” об Иларионе, который, выкопав пещеру на Берестовом, “отпѣваше часы и моляшеся ту Б(ог)у втайнѣ” (Полное собрание русских летописей. – Л., 1926. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. – Стб. 156).
- ¹⁷ Словарь русских народных говоров. – Л., 1972. – Вып. 7. – С. 294.
- ¹⁸ Каргер М.К. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – Вып. 150: Средневековые древности. – М., 1977. – С. 81.
- ¹⁹ Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры: В 2-х кн. – М., 2006. – Кн. 2. – С. 102.
- ²⁰ См. Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. – М., 2000. – Т. X. – С. 134–429. Нижняя граница определяется формой Р (“углом вперед, криволинейное”), наличием нижних засечек у **Ѧ**, и отражением прояснения сильных редуцированных; верхняя — наличием покрытий у **А**, **Л**, **Ѧ**.
- ²¹ Указано А.А. Зализняком; благодарим М.Н. Толстую, любезно сообщившую нам приведенные примеры.
- ²² Из “Беседы трех святителей”... С. 354.
- ²³ Бабалык М.Г. Апокриф “Беседа трех святителей”... — С. 153.
- ²⁴ Как заметил (в устной беседе) А.Л. Топорков, эта формула может восходить к месту Евангелия от Иоанна, в котором Иисус говорит с Никодимом о втором рождении, получаемом человеком в крещении (Ио. 3: 3–6). Действительно, слова “ни разу не крестился” в одном из вариантов загадки могут рассматриваться как прямая отсылка к этому источнику.
- ²⁵ Под теплыми одеждами, очевидно, подразумеваются куриное яйцо, а затем пух вылупившегося из яйца цыпленка (выводковые птицы, к которым относятся куриные, водоплавающие, журавлиные, вылупляются в пуху — в отличие от птенцовых, в том числе воробьиных, голубиных, стрижеобразных, дятловых, кукушковых и т. д.).
- ²⁶ См. Топоров В.Н. Об анаграммах в загадках // Исследования в области балто-славянской духовой культуры: Загадка как текст. – 2. – М., 1999. – С. 69–80.
- ²⁷ См. Соколов М.И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. – М., 1888. – Вып. 1; Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ

мира. – М., 2010. – С. 681–784. Отметим также бытование загадок в болгарских надписях: см. загадку об Адаме в надписи XIII–XIV века на камне из Велико-Тырнова (Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. – 2 // Die slawischen Sprachen. – [Wien], 1997. – Bd. 52. – S. 180–181).

- ²⁸ Панченко А.М. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1964. – [Т.] XX. – С. 264.
- ²⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. – Киев, 1966. – Вып. I: XI–XIV вв. – С. 109, табл. LXVII — LXVIII. Ср. также: Корниенко В.В. Граффити — молитвы к Сорока Святым мученикам в крещальне Софийского собора: К проблеме изучения культов святых в Киевской Руси // Софійські читання. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції “Пам’ятки Національного заповідника “Софія Київська”: культурний діалог поколінь” (м. Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). – Київ, 2009. – С. 238–239.